

УДК 94(574)"12/14"

МРНТИ 03.91.23

DOI 10.37238/2960-1371.2960-138X.2025.99(3).122

Шолахов М.Г.

**Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева.
Астана, Казахстан**

E-mail: muri777@mail.ru

АРМЯНСКИЙ ФАКТОР В УЛУСЕ ДЖУЧИ В АНАЛИЗЕ ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу греко-армянского фактора в социально-экономической и религиозной структуре Улуса Джучи. Исследование опирается на данные западной и отечественной историографии, письменные источники, археологические материалы, а также эпиграфику. Особое внимание уделено роли армянских и греческих общин в торговых, административных и военных институтах Золотой Орды, а также их взаимодействию с монгольской и тюркской элитой. Анализируется специфика ассимиляции и адаптации этих этносов в условиях многоэтнического и многоконфессионального пространства Орды. Армяне в основном сохраняли религиозную и общинную автономию, концентрируясь в городских центрах, тогда как греки чаще вовлекались в военные и административные структуры через исламизацию. Поднимается вопрос о трансформации этнической идентичности, тюркизации и степени участия армян и греков в политико-экономических связях между Ордой, Византией и Латинским Западом. В статье также проводится типологическое сравнение механизмов включения армян и греков в ордынскую социумную систему.

Ключевые слова: Улус Джучи; Золотая Орда; армяне; греки; европейская историография; ассимиляция; исламизация.

Введение

История Улуса Джучи, одного из крупнейших государств средневековой Евразии, охватывает широкие географические, этнические и религиозные пространства, включавшие народы и культуры от Волги до Дуная и от степей Казахстана до побережья Черного моря. В этом многообразии особую роль играли армяне — древний христианский народ, чьи миграции в земли Улуса Джучи стали частью более масштабных трансевразийских процессов, связанных с торговлей, политикой и религией. Армянские общины, расселившиеся в таких ключевых центрах Золотой Орды, как Солхат (Старый Крым), Каффа, Сарай и другие города, быстро заняли важные ниши в экономике, дипломатии и даже религиозной жизни государства.

Западная историография на протяжении последних десятилетий проявляет устойчивый интерес к изучению армянского присутствия в Золотой Орде, подчеркивая их роль как культурных посредников между Востоком и Западом. Работы таких исследователей, как Дэвид Оспиан, А. Мартин, Мишель Каприсон, Кристофер Доусон и других, уделяют внимание специфике армянского коммерческого посредничества, участию в дипломатических миссиях, а также их вовлеченности в конфессиональные процессы, в частности в попытки католической унии. Особое внимание уделяется уникальному положению армян, находившихся на пересечении интересов Золотой Орды, Венеции, Генуи, Папского престола и армянской церкви.

Армянский фактор в Золотой Орде предстает в западной историографии как ключевой элемент культурного и политического диалога. Армяне не только адаптировались к условиям мусульманского государства, но и часто служили посредниками между правителями Орды и европейскими монархами, купцами, церковными структурами. Их опыт жизни в инокультурной и иноязычной среде, их способность к интеграции, наряду с сохранением религиозной идентичности, сделали их важными участниками политико-культурных процессов в регионе.

Настоящее исследование ставит целью анализ трактовок армянского присутствия в Улусе Джучи через призму западной историографии. Особое внимание будет уделено таким аспектам, как: причины и формы армянской миграции в Золотую Орду; их социальный и экономический статус; участие в межцерковных отношениях и политических миссиях; восприятие армян со стороны монгольской и тюркской элиты. Кроме того, рассматривается, каким образом западные историки интерпретируют степень интеграции армян в ордынскую среду и их влияние на трансрегиональные процессы позднего средневековья.

Материалы и методы исследования

Данное исследование основано на анализе западной историографии, посвященной роли армян в Золотой Орде, особенно в контексте их присутствия в Крыму и торговых центрах Улуса Джучи. В качестве источников использовались опубликованные историко-аналитические труды, а также переводы средневековых хроник, дипломатической переписки, папских булл и торговых договоров. Дополнительно были привлечены археологические и этнокультурные материалы, а также данные генетических и демографических исследований, отражающие сложный этнический состав населения Золотой Орды. В качестве основного метода исследования применялся сравнительно-исторический подход, позволяющий выявить тенденции и различия в трактовке армянского фактора в различных периодах западной историографии. Проводился критический анализ нарративов, учитывались контекст создания источников, цели и идеологические установки авторов. Также использовались методы источниковедческого анализа, дискурсивного анализа и элементы междисциплинарного подхода, включая данные из сферы этнологии, религиоведения, исторической географии и социологии. Это позволило рассмотреть армян не только как торгово-религиозную, но и как посредническую, дипломатическую группу, игравшую важную роль в структуре многоэтнического общества Золотой Орды.

Результаты исследование

Аармянский фактор в Улусе Джучи. Армянский богослов и историк Вардан Великий (ок. 1198–1271), «в 1264 г. великий ильхан Хулаву пригласил нас к себе через одного мужа Шнорхавора, пользовавшегося большим уважением у всех, особенно у Бату, властителя северных стран, к которому он прежде ездил и был принят с большим почетом, и у Хулаву [1].

Малышев писал армяне испытали весьма значительное этнокультурное влияние со стороны монголов, тюрок, греков, итальянцев, русских и других народов Золотой Орды. Весьма распространённым в армянской среде стало использование арабского алфавита, особенно в эпиграфике, а также тюркской лексики в личных именах. Наиболее ярким примером тюркского влияния (вплоть до языковой ассимиляции) является переход отдельных армянских общин на тюркский (кипчакский) язык при сохранении армянской графики письма. По-видимому, армяне подверглись мощному воздействию тюркского языка и культуры, как и другие народы Северного Причерноморья, Крыма и, вообще, Золотой Орды. Аналогичными примерами языковой ассимиляции в золотоордынском Крыму являются крымские и литовские караимы (иудеи-сектанты, говорящие по-тюркски) и греки в Судаке, массово принимавшие тюркские имена. Кроме того, золотоордынские армяне перенимали отдельные элементы [2, с. 259]. Престиж и функциональная развитость кипчакского языка способствовали формированию армяно-кипчакской письменной традиции и появлению армяно-кипчакского языка как средства общения (3, с. 223). Питер Голден указывает, что кипчакский язык был воспринят в Крыму не только армянами (армяно-кипчаками), но также еврейскими общинами — караимами и крымчаками (4, с. 3). Армяно-кипчакский напоминает язык *Codex Cumanicus*, который был составлен в 13 веке (5, с. 253) Кертин Филип отмечал что носителями армяно кипчакского языка были ассимилированные армяне и что армяне также начали воспринимать элементы местной татарской культуры. Они сохранили свою армянскую идентичность и верность армянской церкви, но стали говорить на татарском как на родном языке и даже писать на нем армянским письмом (6, с. 186.). Немецкий историк Дирк Хердер отмечает: «Хотя крымские армяне переняли местный татарский язык и кодифицировали его армянским письмом, они сохранили свою религиозную и этническую самобытность [7, с.175]. Армяно-кипчакский язык сохранял близость к оригинальному кипчакскому благодаря раннему заимствованию в XIII–XIV веках и последующей изоляции армяно-кипчакских общин от живой тюркской языковой среды, что способствовало консервации архаичных лексических и грамматических форм.

Бертольд Шпулер приводит слова Ибн Баттуты о том, что население города Каффы было разнообразным. Оно включало итальянцев, армян, греков, мусульман (в основном татар), а также караимских и талмудических иудеев [8, с. 393].

Бертольд Шпулер отмечает, что Ногай-хан свидетельствует о том, что правители государства не чинили препятствий для растворения монголов в тюркской среде, а наоборот – способствовали этому. Так, в 1263 году с прибытием румского султана ‘Изз ад-Дина земли между Крымом и Молдавией

были заселены его турецкими сторонниками. Смешение татар с проживавшими здесь тюрками облегчалось культурной близостью. Кроме того, тюрки из северных областей, волжские болгары, башкиры и мордва-мокша находились на сходной стадии культурного развития, что делало этническую границу размытой. Когда ислам, который уже давно исповедовали тюрки южных регионов, распространился среди татар и тюрков Поволжья, процесс смешения народов стал необратимым. Особенно разнообразным было население Черноморского побережья, в первую очередь Крымского полуострова. В генуэзских торговых городах проживали не только итальянцы, но также татары, иранцы (например, из Луристана), арабы из Сирии и Междуречья, турки из Малой Азии, греки и даже выходцы из Северной Африки. Особенно много было армян, из-за чего Крым получил название "Armenia Magna" или "Armenia Maritima" [8, с. 302]. А. Якобсон Л. Меликсет писали что также Крым называли армянские авторы стали называть Крым «Приморской Арменией» («Armenia Maritima») и даже «Большой Арменией» («Armenia Majoris») [9, с.36]. Эрик описал состояние, что из греков, имевших прежде так много цветущих владений в Крыму, осталось ещё много в южной части страны — частью в деревнях, частью в торговых городах. Они также невежественны и рабски послушны. После татар в Крыму наиболее многочисленны армяне. Они почти все занимаются торговлей, но здесь они гораздо беднее, чем в восточных странах. По описанию, они ленивы, нечестны, грязны и невежественны [10, с. 30]. Греки из-за утраты независимости и вассальной зависимости от турок активно тюркизировались, позднее исламизировались. Это было прагматичным решением — чтобы получить должность или свободную торговлю. С одной стороны, нельзя отрицать также искренность греков и армян в принятии исламской веры. Греческие и армянские общины под властью Орды и впоследствии османов часто были вынуждены адаптироваться через лояльность и пассивность, что воспринималось как «леность» или «рабское поведение».

Генетические исследования свидетельствуют о выраженном полиморфизме Y-хромосомного генофонда крымскотатарской популяции. Как показывают данные, в их генетической структуре отсутствует явно доминирующая гаплогруппа. Наиболее распространёнными вариантами являются R1a1a-M198, J2-M172, R1b-M343, G2a3b1-P303 и E1b1b1-M35.1, однако их совокупная частота не превышает 67 % от общего генетического разнообразия. Остальная часть генофонда представлена множеством других гаплогрупп, что отражает сложный характер формирования данной этнической группы [11, с. 21].

Наиболее вероятным источником «морского» компонента в генофонде крымского населения стали миграционные процессы, связанные с расселением древнегреческих колонистов из малоазийского региона и с островов Эгейского моря, а также возможный демографический вклад византийского населения в средневековый период [12, с.19]. Это показывает, что греки были малочисленным народом и не представляли собой ассимиляционную силу для других жителей Крымского ханства. Монгольские ханы понимали, что тюркизация и исламизация являются главными факторами ассимиляции с Крымским ханством.

Другой американский историк Эд Филлипс считал ханов Улуса Джучи правителями кипчаков. Он также отмечал, что в столице Сарай-Берке проживали монголы, кипчаки, аланы, черкесы, византийцы, русские, итальянцы и другие народности [13, с. 155].

В любом случае, называть их «монголами» может быть не совсем правильно, поскольку, как утверждается, опять же на основе Рашид ад-Дина, самое большее около 4000 этнических монголов были назначены Чингис-ханом Джучи для экспедиции. Это число недавно было оспорено Р. П. Храпачевским, который утверждает, что от 60 000 до 70 000 монголов вошли в состав Улуса Джучи. Мы не знаем, каково было это число, но, по-видимому, оно было не слишком большим, чтобы они полностью ассимилировались этнически и лингвистически с общим коренным населением в течение двух-трех поколений. Основная часть Улуса Джучи состояла из кипчаков (куманов, половцев), но среди них были также аланы, канглы, черкесы и другие народы. Я следую практике В. Вашари, используя «ярлык татар... как политический термин, без какой-либо [предполагаемой] этнической коннотации». (14, с. 1047). Гипотеза А. Л. Храпачевского представляется более приближённой к реальности, поскольку монголы традиционно придерживались кочевого образа жизни, и по мере удаления от степных регионов их генофонд ослабевал. В формировании этнического слоя населения, особенно в пригородных и южных районах, могли принимать участие представители других народов — в частности, греки, армяне, а также крымские татары. Тюркизация в регионе усиливалась за счёт ассимиляции пленных и зависимых групп, включая греков, армян, кавказцев и даже пленных калмыков

Бертольд Шпулер приводит слова Ибн Баттуты о том, что население города Каффы было разнообразным. Оно включало итальянцев, армян, греков, мусульман (в основном татар), а также караимских и талмудических иудеев [8, с. 393].

Греки и армяне в основном селились в тёплых краях Улуса Джучи, что было связано с торговлей, так как Крым предоставлял такие возможности.

Российский историк Михаил Худяков отмечал, что в период татарского владычества в Казани существовало три значимых предместья: Армянская слобода, Кураишево и Биш-Балта. Армянская слобода, по его словам, была устроена по образцу армянской колонии в Булгаре, где армянское кладбище находилось при церкви, руины которой в народе называли «Греческой палатой». По свидетельствам, торговля с Персией и Кавказом в значительной степени находилась в руках армян. В Казани 1530 года, по данным Казанского летописца, действительно зафиксировано армянское присутствие, а дипломат Сигизмунд Герберштейн также упоминал торговые связи казанцев с Арменией (15, с. 304).

Однако наибольшие сомнения вызывает рассказ, изложенный Высоцким, о том, что некие армяне якобы продали Ивану Грозному информацию о слабых местах обороны Казани, за что царь смог захватить город (15, с. 304). По этой версии, позже Иван IV, якобы опасаясь предательства уже в свою сторону, распорядился уничтожить всех казанских армян, но те бежали в другие города Поволжья, особенно в Астрахань.

Данная история требует критического подхода. Во-первых, она основывается на устной передаче (от «казанского армянина», по словам Высоцкого), что значительно снижает её достоверность. Во-вторых, в контексте эпохи подобные обвинения в «предательстве» часто были элементом послевоенной пропаганды, особенно когда дело касалось этнических или религиозных меньшинств. Кроме того, сама логика рассказа — что Иван Грозный сначала использовал армян, а затем их истребил, — носит черты легендаризации и лишена подтверждения в надёжных источниках. Также важно учитывать, что в «Сокровенном сказании» о Чингисхане (XIII в.) содержится эпизод, где предатели, перешедшие на сторону монголов от их врагов, были в дальнейшем убиты по приказу самого Чингисхана. Это свидетельствует о том, что в монгольской и более широкой евразийской военной традиции предательство даже в пользу победителя не поощрялось, а воспринималось как опасный сигнал. Подобная история могла быть сконструирована позже для оправдания насилия или для маргинализации армянской общины. Рассказ Высоцкого следует рассматривать с высокой степенью источниковедческой осторожности. Он отражает позднейшую фольклорную традицию или политизированную интерпретацию событий, чем подлинное историческое положение армян в Казани XVI века. Не исключено, что это утверждение было озвучено с целью угодить советской власти и соответствовать господствующим историографическим тенденциям того времени.

Александр Оспиан сообщает, что армяне обосновались в Сарае — преимущественно в качестве купцов, но также и ремесленников. Уже в 1320-х годах в городе упоминается армянский епископ (*episcopus Armenorum in imperio Tartarorum Iusbeck*). В Сарае существовали две армянские церкви — Богородицы и Святого Знамени. В 1319 году армянский священник Хачатур переписал Евангелие «в столичном городе Сарае... вблизи Каспийского моря» при архиепископе Погосе. Послание армянского католикоса (патриарха), идентифицируемого как Мхитар Грнеци (1341–1355), было адресовано армянским общинам в Крыму, Азаке (Азове), Сарае, а также армянам, рассеянным «вдоль реки Волги и реки Джейхун (Амударья)». Во второй половине XV века армянская община занимала заметное место в Кырк-Ере — первой столице Крымского ханства. В грамоте хана Менгли Гирея от 1468 года, наряду с мусульманами и иудеями, упоминаются и армяне; во главе их общины стоял Ованес Танеке [16, с. 407], что свидетельствует о наличии у армян организованной внутренней структуры в Крыму в период становления ханской власти. Оспиан, ссылаясь на Л. Клячкяна, упоминает также армянскую церковь Святого Григория Просветителя в Азаке, известную по колофонам армянских рукописей, переписанных там священником Тертером Ереванци (уроженцем Еревана) в 1339 и 1341 годах. Кроме того, по наблюдению С. Карпова, армянский суд упоминается в нотариальной записи от 19 сентября 1359 года. Среди 443 свободных участников сделок, зарегистрированных в Тане в 1359–1360 годах, было 7 армян [16, с. 408]. Хотя в западных источниках того времени часто использовалось обобщающее обозначение «татары», правящая элита Золотой Орды в XIV веке продолжала самоидентифицироваться как монголы — наследники Чингисхана.

Преэсменность от Монгольской империи имела не только символическое, но и юридикко-политическое значение, проявлявшееся, в частности, в апелляции к Ясе Чингисхана и институту чингизидской власти. Поэтому корректнее говорить не просто о «татарских правителях», а о «монгольской правящей династии Золотой Орды».

Ричард сообщает что В 1320-х гг. в источниках упоминаются армянские епископы в Сарае, Солхате (Старый Крым) и Каффе (Феодосия) (17, с. 159–160). Армяне и греки в Золотой Орде сохраняли мирный статус вследствие своей малочисленности, городской и торгово-ремесленной специализации, податного положения как «людей Писания», отсутствия политических амбиций и традиции адаптивного поведения в условиях иноземного владычества.

Армяне в Улусе Джучи были посредниками (медиаторами) монгольских ханов с европейскими монархами либо купцами. Оспиан также рассуждает, что торговля предметами роскоши позволила армянским купцам установить доверительные отношения с элитой Золотой Орды. В 1353 году, во время генуэзско-венецианской войны, венецианцы ограбили судно с товарами девяти подданных Орды. Несмотря на частичную компенсацию, долг оставался. В 1358 году хан Бердибек распорядился взыскать его, а его бабушка Тайдула выступила посредницей. В 1359 году она сообщила дожу о выплате 10 998 безантов пострадавшим, включая десять ордынских сановников и армянских купцов, последние из которых получили 5000 безантов. Дополнительно армянам выплатили 20 безантов — предположительно за курьерские услуги, связанные с перепиской Тайдулы с венецианскими властями. Употреблённый в документах термин *alaffa* (араб. «фураж») означал плату за службу, что подчёркивает доверительный характер их взаимодействия с монгольскими правителями [16, с. 413].

В генуэзских нотариальных актах середины XIV века (1340–1360-е гг.) зафиксировано присутствие крымских армянских купцов в торговых центрах нижнего Дуная, таких как Килия и Аккерман. Один из ярких примеров — сделка от 17 апреля 1344 года, когда в Килии некий Андреоло де Вендури продал армянскому купцу Ходже Амиру из Тифлиса, проживавшему в Каффе, русскую рабыню и её двухлетнего сына за сумму в 4150 аспров (18: р. 102–103). (18: Р-102,103) В Причерноморье и особенно в таких космополитичных городах, как Каффа и Килия, армяне нередко адаптировали свои имена и титулы под мусульманскую или тюркскую среду. "Ходжа" (от перс. *xwāja* — господин, учитель, уважаемый человек) могла использоваться как почетный титул, особенно в торговых кругах. "Амир" также не обязательно указывает на мусульманское происхождение, а может быть адаптированной формой армянского имени или прозвища.

Александр Оспиан утверждает, что усилившаяся в XIV–XV веках религиозная нетерпимость к армянам в северной Руси объясняется не только богословскими причинами, но и политико-экономическими — армяне сотрудничали с правителями, которых Москва считала соперниками (16: с. 412).

Отношение армянской церкви к католической написал Роман Гаутала что в 1318 году что папа Иоанн XXII радовался тому, что католический епископ из

Каффы (Феодосии), Иероним из Каталонии, убедил армянского архиепископа города Солхат (Старый Крым) присоединиться к католической церкви. Это считалось большим успехом. Но уже через три года, в 1321 году, начались серьёзные проблемы: армяне начали сопротивляться. Особенно активным противником стал некий епископ Тадэос, которого поддерживал армянский католикос (вероятно, Степанос из монастыря Гандзасар в Нагорном Карабахе). Папская политика унии вызвала раскол среди армян Золотой Орды, но усилия францисканцев и доминиканцев привели к примирению: Тадэос принял католичество, вступил в орден, посетил папу и стал латинским епископом Каффы, а Погос, вероятно, также признал унию к 1329 году. В итоге миссия католиков среди армян оказалась более успешной, чем среди греков. Тот же католикос Степанос поставил своего человека — архиепископа Погоса — в город Сарай, столицу Золотой Орды. Погос тоже был против объединения с Римом и даже выгнал католического епископа, поставленного со стороны сторонников унии [19, с.78]. Армянская апостольская церковь, в отличие от более централизованной византийской (греческой) традиции, была исторически более адаптивной и склонной к компромиссам в условиях диаспоры. Армяне в Крыму и Поволжье жили в условиях постоянных политических и религиозных перемен, что формировало у духовенства прагматичное отношение к внешним контактам. Армяне часто не имели собственного политического покровителя и зависели от доброй воли татарских властей или западных торговцев (в том числе генуэзцев), которые были тесно связаны с католическим духовенством. Уния могла служить средством для укрепления позиций в торговых и административных делах. Например, настоятелем францисканского монастыря в Сарае был выходец из Богемии. Ковач отмечал что этническое разнообразие отличало не только францисканские монастыри — в Сарае также проживали армянские христиане (находившиеся в унии с Римом) и христиане-схизматики (*mulier christiana, quamvis schismatica*), которые могли принадлежать к Церкви Востока (т.е. Несторианской церкви), Армянской апостольской церкви или Православной церкви (20, с. 183). Шведский историк Эрикссон отмечал, что в Крыму татары предоставляли христианам и иудеям значительную религиозную свободу: армяне и греки имели в городах и деревнях множество церквей. Здесь также находились два армянских епископа. Один из них проживал в монастыре Сурп Аствацацин (Святой Девы) в Каффе, и его епархия простиралась к востоку от Каффы до Кабарды. Второй — в монастыре Сурп Хач (Святого Креста), примерно в трёх географических милях к западу от Каффы; его епархия охватывала западную часть и остальные владения хана в Европе — до Каушан и Бессарабии [10 с. 31].

Армяне также были замешаны в работорговле. По сообщению Баларда 14 сентября 1360 г. армянин Григо(рий), сын покойного Арабеца, житель и горожанин Килии, продал 20-летнюю рабыню-монголку Тойдани за 5 соммов Иоанну де Монтероссо, жителю и горожанину Перы [21, с.107–108]. 1360 год считался периодом Великой Замятни для Улуса Джучи. свидетельствует о присутствии монголов в качестве рабов на черноморских рынках, что говорит о падении социального статуса отдельных монгольских групп в условиях дезинтеграции власти. Армяне, несмотря на нестабильность в степи, продолжали

активно торговать с генуэзцами и другими европейцами. Это служит индикатором ослабления центральной власти Улуса Джучи, раз рабы уже свободно продавались на пограничных рынках под контролем христиан.

В целом армянское население проникало на территорию Крыма преимущественно через торговлю, постепенно усиливая своё демографическое присутствие под властью ханов. Источники не подтверждают участия армян в военных кампаниях Улуса Джучи. Лишь Шейхумеров упоминает военное сословие сейменов, представлявших собой преимущественно мусульманское формирование, что подтверждается источниками XVIII века: перед выходом в бой они произносили коранические аяты. Эвлия Челеби также подчёркивал религиозную однородность секбанов, указывая, что при крымском хане находились две тысячи «греческих молодцов», исповедовавших ислам и вооружённых огнестрельным оружием. Несмотря на такую религиозную чёткость, этнический состав этих формирований остаётся предметом дискуссий. В ряде источников секбаны и сеймены отождествляются с татарами; так, в 1755 году дипломата М. Миронова сопровождал «татарин сеймен Измаил». В то же время сам Челеби определял секбанов как греков. Шейхумеров выдвигает гипотезу, согласно которой в состав этих подразделений, вероятно, входили представители различных этносов — в том числе греки и армяне, — которые после принятия ислама быстро ассимилировались в крымскотатарской среде [22, с. 262]. Такая исламизация, особенно среди близких к ханскому двору воинов, шла более интенсивно по сравнению с остальным населением Крыма, что и обусловило мусульманский характер сейменского корпуса. Сеймены в Крымском ханстве были военным формированием, созданным под влиянием османской янычарской системы и во многом копировавшим её организационные принципы, включая исламскую идентичность, огнестрельное оружие и многоэтнический состав, однако по своей структуре, численности и политической значимости они значительно уступали классическим янычарам Османской империи.

Что касается влияния армян на архитектуру Улуса Джучи, то, по крайней мере, одно из каменных зданий, украшенное резьбой, демонстрирует параллели с армянской архитектурой того периода. Известно, что армянские архитекторы в это время активно приглашались для строительства в различных исламских государствах [23, с. 10].

Хотя между монгольской элитой Улуса Джучи и армянами не зафиксировано династических браков, тесные связи прослеживаются с Византией. Так, Б. Шпулер сообщает, что хан Узбек женился на вдове своего отца — византийской принцессе Баялун. Муфтий, по его словам, был вынужден одобрить этот брак, сославшись на то, что отец Узбека был неверующим, а значит, его брак не признавался действительным с точки зрения шариата [24, с. 321].

Шпулер, также отмечает, что жена хана Узбека — гречанка и дочь византийского императора Андроника III — уехала рожать от него сына в Константинополь, где впоследствии осталась. Причины этого поступка источники не разъясняют. Данн Росс цитирует Ибн Баттуту, который утверждает, что сопровождал её в Константинополь от двора её мужа в конце 1332 или 1334 год [25]. Ислам допускает брак мусульманина с женщиной из числа «людей

Писания», в частности с христианкой. Принцесса Баялун, по свидетельствам источников, внешне старалась соблюдать нормы исламского поведения, однако, вернувшись в Византию, вскоре отказалась от этой маски [24, с. 190]. Византийская сторона, заключая браки с монгольскими ханами, предпочитала выдавать не законных наследниц, а внебрачных дочерей или представительниц побочных линий династии. Византийские принцессы, выданные замуж за ханов Золотой Орды, часто стремились вернуться на родину в связи с религиозным и культурным отчуждением, отсутствием политического влияния в окружении хана, а также личной изоляцией. Несмотря на внешнее соблюдение исламских норм, как в случае с принцессой Баялун, по возвращении в Византию они отказывались от этих правил, что указывает на формальный характер их адаптации. Вероятно, такие браки рассматривались византийской стороной как временная дипломатическая мера, не предполагающая пожизненного пребывания женщины в степи. После падения Византии и особенно Трапезундской империи приток греков в Крым усилился, что способствовало росту их численности в городах Крымского ханства и усилению их роли в торговле, ремёслах и исламизированных военных формированиях. Иштван Вазари полагал, что византийские историки неохотно писали о монголах, поскольку те представляли для них лишь периферийный интерес.[14, с.1245]. Византийские историки действительно демонстрировали ограниченный и периферийный интерес к монголам, поскольку те находились вне их геополитического и идеологического центра внимания.

Историк Олекса Гавайронский указывал, что наряду с генуэзцами, Крымский хан Хаджи Герай имел на территории полуострова ещё одного внешнеполитического контрагента — княжество Готия, располагавшееся в горно-лесной зоне южнее реки Бельбек. Управляемая грекоязычными князьями, Готия с центром в хорошо укрепленной крепости Феодоро на горе Мангуп, представляла собой политическое образование с преимущественно христианским и этнически разнородным населением. На протяжении длительного времени выступая вассалом Золотой Орды, Готия рассматривала Крымское ханство в лице его правителя как стратегического союзника в борьбе против генуэзских колоний, в частности за контроль над южным побережьем Крыма и крепостью Чембало [26, с. 26–27].

Он описывает османскую экспедицию 1475 года на Крым под предводительством султана Мехмеда II и Гедик-Ахмед-паши. Воспользовавшись ослаблением власти и приглашением крымской знати, османы стремились установить контроль над полуостровом, овладеть генуэзской Кафрой и заручиться поддержкой крымцев в предстоящем походе на Молдову. При осаде Каффы греки и армяне, составлявшие большинство населения, отказались защищать город и потребовали капитуляции, угрожая итальянцам расправой. Консул Кабелла капитулировал. 6 июня турки вошли в город: греков и армян пощадили, но генуэзских защитников казнили, забрали молодёжь в качестве дани, наложили контрибуцию и обязали жителей восстановить укрепления. Эпизод ознаменовал начало османского владычества в Крыму [26, с.52]. Их действия были продиктованы, многолетним недовольством властью генуэзцев, а с другой

— надеждой на более мягкое отношение со стороны османов в случае добровольной капитуляции. Это отражает социальное и этническое недовольство: греки и армяне, будучи коренным или давним населением Каффы, вероятно, чувствовали себя подчинёнными и эксплуатируемыми в генуэзской колониальной системе, а их демарш можно рассматривать как форму сопротивления иностранному господству. С политической точки зрения это был реалистичный шаг, поскольку османская армия, превосходящая в численности и вооружении, неминуемо бы взяла город. Кроме того, греки и армяне могли рассчитывать на терпимое отношение Османской империи, которая уже имела репутацию защиты христианских (особенно православных) общин, в отличие от католической администрации. Их поведение отражает рациональный выбор в условиях военного кризиса, обусловленный накопившимися социальными, политическими и конфессиональными противоречиями.

Во втором томе книги Олексы Гавайронского подчёркивается преданность армянского духовенства крымскому хану: «Благодарим всемогущего Бога, Царя царей, — писал армянский священник, проживавший в Кефе, — за то, что Он смилостивился и укрепил силы благословенных Шахина Герай-султана и Мехмеда Герай-хана, чьё правление в земле Солхатской и в Кефе принесло достаток, мир, любовь и покой»[27, с. 99]. Это отражает признание со стороны армянского духовенства легитимности и достоинств власти крымских ханов, а также подчеркивает существовавшую в Крыму многонациональную и многоконфессиональную систему сосуществования.

Заключение

Греки и армяне жили в Золотой Орде по нескольким историческим, экономическим и политическим причинам:

Миграции и переселения до монгольского завоевания: Греки и армяне начали заселять причерноморские и прикаспийские регионы задолго до появления монголов. Они играли важную роль в торговле, ремесле и городской жизни, особенно в городах Крыма и юга современной России. Когда эти территории вошли в состав Золотой Орды, там уже проживали греко-армянские общины.

Торговые связи и роль как посредников: Армяне и греки славились как искусные торговцы и ремесленники. Золотая Орда, будучи частью Великого шёлкового пути, активно поощряла международную торговлю. Греческие и армянские купцы, как христиане, служили посредниками между мусульманским Востоком, христианским Западом и Русью. Религиозная терпимость Орды: Монголы отличались высокой степенью религиозной терпимости. В Золотой Орде были представлены ислам, христианство (включая православие, несторианство, католицизм), иудаизм и шаманизм. Благодаря этой политике христиане-греки и армяне могли свободно проживать, исповедовать свою религию и развивать свои общины. Греческие колонии в Крыму: В Крыму существовали древние греческие колонии ещё с античности (например, Херсонес, Пантикапей). При Золотой Орде Крым оставался важным культурным и торговым центром, где греки играли значимую роль, особенно в Генуэзских и Византийских анклавах. Армяне как приглашаемые мастера и поселенцы: Армянские ремесленники и архитекторы были высоко ценимы. Их нередко приглашали для

работы в городах Орды, где они строили мосты, купола, мастерские, участвовали в чеканке монет, обработке металлов и т.д. Таким образом, проживание греков и армян в Золотой Орде объясняется исторической преемственностью, экономической выгодой для Орды, политикой религиозной терпимости и спросом на квалифицированных специалистов.

Армяне играли роль посредников, а не политических оппонентов. Они не стремились к власти и не угрожали политической стабильности Орды, а наоборот, обеспечивали торговые связи, в том числе с Византией, исламским миром и Европой.

Их знание языков и гибкость делали их идеальными посредниками, особенно в контактах с христианскими странами. Монголы, особенно в ранний период Золотой Орды, практиковали религиозную терпимость и допускали многообразие в верованиях, если оно не угрожало их власти. Армяне не проповедовали и не пытались обратить монголов, поэтому их религия не вызывала конфликтов.

Благодарности

Статья подготовлена и опубликована при финансовой содействии Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан в рамках программно-целевого финансирования Изучение этнополитической и социально-экономической истории Улуса Джучи в XIII-XV веках (ИРН BR24992878).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Маргарян А.Г. К вопросу о личности и деятельности «некоего Шадина» // Кавказ и Византия. – Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1982. – Т.3. – С.66.
- [2] Малышев Алексей Борисович. Армяне в этнокультурных взаимодействиях на территории Золотой Орды // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2016. №3.
- [3] Гаркавец А. Н. Кыпчакские языки: куманский и армяно-кыпчакский. — Алма-Ата: Наука, 1987.
- [4] Golden P. B. An introduction to the history of the Turkic peoples //Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. – 1992. – С. 127-36
- [5] Абдурразак Пелер, Гекче Юкселен (2015). «Тарихте Тюрк – Эрмени Темаслары Сонукунда Орта Чыкмыш Бир Халк: Эрмени Кыпчаклары вея Грегорян К» [Народ, возникший в результате исторических тюрко-армянских контактов: армяно-кипчаки или григорианские кипчаки]. Журнал тюркских исследований (на турецком языке). 10 (8): 253
- [6] Curtin, Philip D. (1984). Cross-Cultural Trade in World History. Cambridge, England: Cambridge University Press. p. 186. ISBN 0-521-26931-8.
- [7] Dirk Hoerder. Cultures in Contact: World Migrations in the Second Millennium. — Duke University Press, 2002. — P. 175.
- [8] Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Перевод с немец. яз. и коммент. М.С. Гатина. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2016.

- [9] Меликсет-Бек Л. М. Из истории армяно-украинских отношений // Исторические связи и дружба Украинского и Армянского народов : сб. материалов украино-армянской научной сессии. Ереван, 1961. С. 50; Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII– XIV вв.). / Материалы и исследования по археологии СССР: в 187 вып. Вып. 17. М.; Л., 1950. С. 36
- [10] Эрик Иоанн. Т. Крымское ханство/ Тунман Иоанн Эрик -М.: Книга по требованию, 2023.
- [11] Агджоян А. Т., Утевкая О. М. и др. — Вестник УТГС 2013. Следы древних миграций в генофонде крымских и казанских татар: анализ полиморфизма у-хромосомы Архивная копия от 26 апреля 2018 с.21].
- [12] АГДЖОЯН Анастасия Торосовна ГЕНОФОНД КОРЕННЫХ НАРОДОВ КРЫМА ПО МАРКЕРАМ У-ХРОМОСОМЫ, мтДНК И ПОЛНОГЕНОМНЫХ ПАНЕЛЕЙ АУТОСОМНЫХ SNP. 2018.с.19.
- [13] Филлипс Э.Д. Монголы. Основатели империи Великих ханов. / Пер. с англ. О.И. Перфильева»: Центрполиграф; М.; 2004. ISBN 5 9524 0532 0
- [14] THE CAMBRIDGE HISTORY OF THE MONGOL EMPIRE * VOLUME I History & VOLUME II Sources * Edited by MICHAL BIRAN The Hebrew University of Jerusalem HODONG KIM Seoul National University. Page 1047
- [15] Худяков М. Г. Очерки по истории Казанского ханства. 1438 – 1552. М. ЗАО Центрполиграф, 2025. Стр 304. – Аврелия, 2004.
- [16] Osipian Alexandr. Armenian Diasporas between the Golden Horde, Rus, and Poland. The Routledge Hnadbook of the Mongols and Central – Eastern Europe. Edited by Alexander V. Maiorov and Roman Hautala.
- [17] Richard J. La papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe – XVe siècles). – Rome, 1998. – P.92, 159–160.
- [18] Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). – Genova, 1973.
- [19] Хаутала Р. Францисканцы и доминиканцы в Золотой Орде: развитие миссионерской деятельности. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Рах Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды» Казань, 26–28 июня 2019 г.
- [20] Kovács S. An Unremembered Hungarian Friar's Martyrdom in the Golden Horde //Chronica. – 2018. – Т. 18. – С. 178-189.
- [21] Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T.2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzo. 1360. – Paris, La Haye, 1980. – P.107–108
- [22] Шейхумеров А. А. КРЫМСКИЕ СЕЙМЕНЫ: РЕГУЛЯРНАЯ ПЕХОТА ГИРЕЕВ. Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Рах Tatarica: генезис и наследие государственности Золотой Орды» Казань, 26–28 июня 2019 г.
- [23] Waugh D. C. ARCHAEOLOGY AND THE MATERIAL CULTURE OF THE ULUS JÖCHI (GOLDEN HORDE). – 2019.
- [24] Шпулер Б. Золотая Орда. Монголы в России. 1223–1502 гг. / Перевод с немец. яз. и коммент. С.Ю. Чупрова. ЗАО Центрполиграф, 2021. 415 стр
- [25] Dunn, Ross E. (2005) [1986]. The Adventures of Ibn Battuta. University of California Press.

[26] Гайворонский, О. "Повелители двух материков." К. Бахчисарай 2 (2009): 104-131.

[27] Олекса Гайворонский Повелители двух материков. Том II: Крымские ханы первой половины XVII столетия в борьбе за самостоятельность и единовластие. Киев - Бахчисарай: Майстерня книги, Оранта, 2009, 272 с.

REFERENCES

[1] Margaryan A.G. K voprosu o lichnosti i deyatel'nosti «nekoego SHadina» // Kavkaz i Vizantiya. – Erevan: Izd-vo AN Arm. SSR, 1982. – T.3. – S.66. [On the issue of the personality and activities of “a certain Shadin” // The Caucasus and Byzantium. – Yerevan: Publishing house of the Academy of Sciences of the Arm. SSR, 1982. – Vol. 3. – P. 66].

[2] Malyshev Aleksey Borisovich Armyane v etnokul'turnykh vzaimodejstviyah na territorii Zolotoj Ordy // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2016. №3 [Armenians in Ethno-Cultural Interactions in the Territory of the Golden Horde // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations. 2016. No. 3].

[3] Garkavec A. N. Kypchakskie yazyki: kumanskij i armyano-kypchakskij. — Alma-Ata: Nauka, 1987 [Kipchak languages: Cuman and Armenian-Kypchak. - Alma-Ata: Science, 1987].

[4] Golden P. B. An introduction to the history of the Turkic peoples //Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. – 1992. – S. 127-36

[5] Abdurrazak Peler, Gekche YUkselen (2015). «Tarihte Tyurk – Ermeni Temaslary Sonukunda Ortaya CHikmysh Bir Halk: Ermeni Kypchaklary veya Gregoryan K» [Narod, vznikshij v rezul'tate istoricheskikh tyurko-armyanskikh kontaktov: armyano-kipchaki ili grigorijskie kipchaki]. ZHurnal tyurkskikh issledovanij (na tureckom yazyke). 10 (8): 253 [A People that Emerged as a Result of Historical Turkic-Armenian Contacts: Armenian Kipchaks or Gregorian Kipchaks." Journal of Turkic Studies (in Turkish). 10 (8): p. 253].

[6] Curtin, Philip D. (1984). Cross-Cultural Trade in World History. Cambridge, England: Cambridge University Press. p. 186. ISBN 0-521-26931-8.

[7] Dirk Hoerder. Cultures in Contact: World Migrations in the Second Millennium. — Duke University Press, 2002. — P. 175.

[8] SHpuler B. Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg. / Perevod s nemec. yaz. i komment. M.S. Gatina. Kazan': Institut istorii im. SH.Mardzhani AN RT, 2016 [The Mongols in Russia. 1223–1502 / Translated from German and annotated by M. S. Gatin. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, 2016].

[9] Melikset-Bek L. M. Iz istorii armyano-ukrainskikh otnoshenij // Istoricheskie svyazi i druzhba Ukrainskogo i Armyanskogo narodov : sb. materialov ukraino-armyanskoj nauchnoj sessii. Erevan, 1961. S. 50; YAkobson A. L. Srednevekovyĭ Hersones (XII– XIV vv.). / Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR:v187vyp.Vyp17.M.;L.,1950.S.36 [From the History of Armenian-Ukrainian Relations" // Historical Ties and Friendship of the Ukrainian and Armenian Peoples:

Materials of the Ukrainian-Armenian Scientific Session. Yerevan, 1961. p. 50; Yakobson, A. L. Medieval Chersonesus (12th–14th centuries) // Materials and Research on the Archaeology of the USSR. Issue 187, No. 17. Moscow-Leningrad, 1950. p. 36].

[10] Erik Ioann. T. Krymskoe hanstvo/ Tunman Ioann Erik -M.: Kniga po trebovaniyu, 2023 [The Crimean Khanate. – Moscow: Print on Demand, 2023].

[11] Agdzhoyan A. T., Utevkaya O. M. i dr. — Vestnik UTGS 2013. Sledy drevnih migracij v genofonde krymskih i kazanskih tatar: analiz polimorfizma y-hromosomy Arhivnaya kopiya ot 26 aprelya 2018 c.21 ["Traces of Ancient Migrations in the Gene Pool of Crimean and Kazan Tatars: Y-Chromosome Polymorphism Analysis" // Bulletin of UTGS, 2013].

[12] AGDZHOYAN Anastasiya Torosovna GENOFOND KORENNYH NARODOV KRYMA PO MARKERAM Y-HROMOSOMY, mtDNK I POLNOGENOMNYH PANELEJ AUTOSOMNYH SNP. 2018. c.19 [Gene Pool of Indigenous Peoples of Crimea Based on Y-Chromosome, mtDNA and Genome-wide Autosomal SNP Panels. 2018. p. 19] .

[13] Fillips E.D. Mongoly. Osnovateli imperii Velikih hanov. / Per. s angl. O.I. Perfil'eva»: Centrpoligraf; M.; 2004 [Founders of the Empire of the Great Khans. / Trans. from English by O. I. Perfilieva. Moscow: Tsentrpoligraf, 2004.].

[14] THE CAMBRIDGE HISTORY OF THE MONGOL EMPIRE * VOLUME I History & VOLUME II Sources * Edited by MICHAL BIRAN The Hebrew University of Jerusalem HODONG KIM Seoul National University. Page 1047

[15] Hudyakov M. G. Ocherki po istorii Kazanskogo hanstva. 1438 – 1552. M. ZAO Centrpoligraf, 2025. Str 304. – Avreliya, 2004 [Essays on the History of the Kazan Khanate, 1438–1552. Moscow: Tsentrpoligraf, 2025. p. 304].

[16] Osipian Alexandr. Armenian Diasporas between the Golden Horde, Rus, and Poland. The Routledge Hnadbook of the Mongols and Central – Eastern Europe. Edited by Alexander V. Maiorov and Roman Hautala.

[17] Richard J. La papauté et les missions d'Orient au Moyen Âge (XIIIe – XVe siècles). – Rome, 1998. – R.92, 159–160.

[18] Balbi G., Raiteri S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV). – Genova, 1973.

[19] Hautala R. Franciskancy i dominikancy v Zolotoj Orde: razvitie missionerskoj deyatel'nosti. Materialy VI Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Forumu «Pax Tatarica: genezis i nasledie gosudarstvennosti Zolotoj Ordya» Kazan', 26–28 iyunya 2019 g.

[20] Kovács S. An Unremembered Hungarian Friar's Martyrdom in the Golden Horde //Chronica. – 2018. – T. 18. – S. 178-189.

[21] Balard M. Gênes et l'Outre-Mer. T.2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzio. 1360. – Paris, La Haye, 1980. – P.107–108

[22] Shejumerov A. A. KRYMSKIE SEJMENY: REGULYARNAYA PEKHOTA GIREEV. Materialy VI Mezhdunarodnogo Zolotoordynskogo Forumu «Pax Tatarica: genezis i nasledie gosudarstvennosti Zolotoj Ordya»Kazan', 26–28 iyunya 2019 g [Crimean Seymens: The Standing Infantry of the Gireys // Materials of the VI International Golden Horde Forum “Pax Tatarica”. Kazan, June 26–28, 2019].

[23] Waugh D. C. *ARCHAEOLOGY AND THE MATERIAL CULTURE OF THE ULUS JÖCHI (GOLDEN HORDE)*. – 2019.

[24] SHpuler B. *Zolotaya Orda. Mongoly v Rossii. 1223–1502 gg.* / Perevod s nemec. yaz. i komment. S.YU. CHuprova. ZAO Centrpoligraf, 2021. 415 str [The Golden Horde. The Mongols in Russia. 1223–1502 / Trans. from German and annotated by S. Yu. Chuprov. Moscow: Tsentrpoligraf, 2021. 415 pages].

[25] Dunn, Ross E. (2005) [1986]. *The Adventures of Ibn Battuta*. University of California Press.

[26] Haivoronsky, O. *Povelyteli dvukh materikov. K. Bakhchisarai 2* (2009): 104–131 [Rulers of Two Continents. Kyiv–Bakhchysarai 2 (2009): 104–131].

[27] Oleksa Haivoronsky. *Povelyteli dvukh materikov. Tom II: Krymskie khany pervoi poloviny XVII stoletia v bor'be za samostoiatel'nost' i edinovlastie*. Kyiv – Bakhchisarai: Maisternia knyhy, Oranta, 2009, 272 s [Rulers of Two Continents. Volume II: Crimean Khans of the First Half of the 17th Century in the Struggle for Independence and Autocracy. Kyiv–Bakhchysarai: Book Workshop, Oranta, 2009, 272 pages].

Шолахов Мурат Гарифоллаевич
ЖОШЫ ҰЛЫСЫНДАҒЫ ГРЕК-АРМЯН ФАКТОРЫ ЕУРОПАЛЫҚ
ТАРИХНАМАДА

Аңдатпа. Мақалада грек және армян халықтарының Ұлыс Жошы құрамындағы қатысуы туралы Еуропа тарихнамасындағы қабылдауына талдау жасалады. Батыс авторларының зерттеулері мен дереккөздері негізінде Алтын Ордадағы армян және грек қауымдарының әлеуметтік, экономикалық және діни өмірінің қырлары қарастырылады. Ерекше назар бұл этностардың бейімделу, ассимиляциялану және моңғол әкімшілігімен, исламданған элитамен өзара әрекеттесу мәселелеріне аударылады. Армяндар негізінен діни автономиясын сақтап, қалалық сауда мен қолөнер аясында қызмет етсе, еуропалық дереккөздерге сүйенсек, гректер хан ордасының әскери құрылымдарына жиі тартылып, біршама исламданып, басқару жүйесіне қатысқан. Мақалада бұл үдерістердің еуропалық ғылыми дәстүрдегі интерпретациялары сараланып, Алтын Орданың көп этносты құрылымындағы гректер мен армяндардың рөліне берілген негізгі баяндау үлгілері мен бағаланады.

Кілт сөздер: Ұлыс Жошы; Алтын Орда; армяндар; гректер; еуропалық тарихнама; ассимиляция; исламдану.

Sholakhov Murat Garifollaevich
THE GREEK-ARMENIAN FACTOR OF THE JOCHID ULUS IN EUROPEAN
HISTORIOGRAPHY

Annotation. The article analyzes the perception of Greek and Armenian presence in the Jochid Ulus as reflected in European historiography. Based on a review of sources and Western scholarly works, it explores the social, economic, and religious aspects of the lives of Armenian and Greek communities in the Golden Horde.

Particular attention is given to issues of adaptation, assimilation, and interaction with the Mongol administration and the Islamized elite. Armenians predominantly retained religious autonomy and operated within urban trade and crafts, while, according to European sources, Greeks more frequently joined military structures within the khan's entourage, partially converted to Islam, and participated in the administrative system. The article examines interpretations of these processes within the European academic tradition, identifying key narrative models and assessments of the roles played by Greeks and Armenians in the multiethnic structure of the Golden Horde (Ulus of Jochi).

Keywords: Jochid Ulus; Golden Horde; Armenians; Greeks; European historiography; assimilation; Islamization.